

КАК ВОЗМОЖНА ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ?

Илья Теодорович Касавин – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН.
E-mail: itkasavin@gmail.com

Статья обязана своим названием американскому философу Джозефу Раузу и его книге «Знание и власть. К политической философии науки» [Rouse, 1987]. Именно в те годы, когда в России философия науки представляла собой тихую гавань, где можно было укрыться от политической и идеологической тематики, на Западе философы науки готовили «политический поворот». Он осознается в форме проблематизации науки с точки зрения ее познавательной автономности, независимости от истории, культуры, этнической, конфессиональной, гендерной нейтральности, незаинтересованности в собственности и власти. Возникают такие понятия, как «экономика науки», «академический капитализм», «технонаука», «поп-наука», «наука как общественное благо», «нечестная наука», отражающие изменение статуса науки в современном обществе. И потому центральная линия рассуждения здесь пролегает в противопоставлении модерна и постмодерна, что в русской традиции приняло форму оппозиции классики и неклассики. Почему сегодня науку не получается мыслить безотносительно ее места в политической системе? Почему способы внешнего и внутреннего управления наукой выходят на первый план? Что это означает для философии науки как дисциплины? Привлечь внимание к данным вопросам составляет задачу настоящей статьи.

***Ключевые слова*:** философия науки и техники, политический поворот, академический капитализм, когнитивная демократия.

HOW IS POLITICAL PHILOSOPHY OF SCIENCE POSSIBLE?

Ilya Kasavin – doctor of philosophical sciences, correspondent-member of the Russian Academy of Sciences, chair of the Department of Social Epistemology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

The article is dedicated dedicated to the analysis of new agenda in the philosophy of science and technology that might be dubbed a "political turn". It consists in the problematizing science from the point of its cognitive autonomy; independence from history and culture; ethnic, gender and confession neutrality; disinterest in property and power. There are those concepts emerge like "science economy", "academical capitalism", "techno-science", "pop-science", "science as public good", "fraud science" that reflect the changing social status of science. The main argument confronts modernity and postmodernity, which in Russian tradition takes form of contrasting the classical world view with the non-classical one. Nowadays science can hardly be studied disregarding its locus within the political system. The means of internal and external science management gain prior significance. All this dramatically transforms the very disciplinary core of science. In the article, the presuppositions and consequences of the political turn are traced and problematized.

***Key words*:** philosophy of science and technology, political turn, academical capitalism, public intellectuals, techno-science, pop-science, science as public good, science economy, cognitive democracy.

Зарождение политической повестки

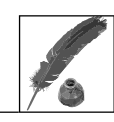
Политическая философия науки невозможна с точки зрения классической науки, провозгласившей отказ от рассмотрения политических и ре-

лигиозных вопросов устами первых членов Лондонского королевского общества. Ситуация постепенно менялась к середине XIX века, когда революция в биологии заставила взглянуть на соотношение науки, мировоззрения и политики по-другому. Атомная бомба окончательно оставила в прошлом все иллюзии по поводу политической нейтральности науки: результаты исследований и их применение уже не могли рассматриваться в отрыве друг от друга.

Развитие философии и социологии науки также вело к актуализации политической проблематики, сменившей идеологическую нейтральность логического эмпиризма. Это нашло выражение в названии влиятельнейшей книги Т. Куна «Структура научных революций». А через пять лет после публикации знаменитой дискуссии между К. Поппером и Т. Куном [Lakatos, Musgrave, eds, 1970] П. Бурдье публикует статью [Bourdieu, 1975], в которой предпринимает решительную попытку сделать из этого выводы и пересмотреть ряд проблем социологии науки. Он заявляет, что официальная социология науки легитимирует тот образ победителя, который создается и пропагандируется научным истеблишментом. Последний (в немалой степени благодаря Куну и его «Структуре научных революций») представляет научное сообщество как особое социальное пространство, где царствуют истина и рациональность и отсутствует внеэпистемическое доминирование. Французский социолог в противовес Куну разрабатывает понятие «научного поля» (champ scientifique), которое определяет как систему объективных отношений между социальными позициями и место конкуренции за научную монополию или авторитет, выступающий как единство научно-дисциплинарного потенциала и социального влияния. Эта дефиниция означает невозможность провести четкую границу между чисто научными и чисто социальными условиями научной практики. Борьба за авторитет в науке происходит одновременно в политическом и научном поле. Однако Бурдье по-своему трактует специфику этой борьбы как стравливание производителей знания, которые при этом являются единственными потребителями результатов друг друга. Именно друг друга они хотят убедить в том, что владеют истиной и поэтому достойны власти.

Д. Блур в своем варианте «сильной программы» социологии знания [Bloor, 1976] уже через год несколько расширяет этот тезис, провозглашая принцип симметричности: для понимания успеха или провала, приписывания истинности или ложности конкурирующим высказываниям о знании (knowledge claims) должны использоваться одни и те же типы объяснения, т.е. ссылки на одни и те же типы условий производства

знания. Нельзя объяснять успех одной теории ростом ее эмпирического содержания, а провал ее противницы – следованием ложной идеологии. Отсюда и удачный эксперимент, и логический вывод, и политическая конъюнктура, экономический интерес и культурная традиция – это равновозможные основания для успеха в конкуренции, выступающие в качестве широко понимаемых социальных условий познания. Блур подвел социологический фундамент под тезис П. Фейерабенда о том, что в науке «все дозволено», и это до основания потрясло стандартную гипотетико-дедуктивную концепцию научного знания. В аналитической философии науки и возникающей программе СТС (STS – Science & Technology Studies) стала укореняться мысль о важности изучения всей совокупности условий научной деятельности – вплоть до политических.

Решающее влияние на философию науки оказали трансформации в организации науки и образования на рубеже XX–XXI вв. В США, Германии, Франции, России наука испробовала самые разные виды автономности, зависимости от государства и сотрудничества с ним в организации глобальных технических и социальных проектов, продвижении образовательных стратегий, обеспечении политических трансформаций. В этих странах наука завоевала себе различающийся социальный статус, а разные части системы наука–образование–техника–экспертиза также по-разному встроены в общество. Однако все это многообразие не должно затушевывать острую социальную актуальность общей проблемы.

Статус науки в современном обществе

Многие социальные институты эволюционируют, сохраняя при этом свою значительную роль в общественной жизни. Если вести речь о науке, то ее фундаментальный социальный статус – изобретение относительно недавнего прошлого. Полноценным социальным институтом наука стала не ранее середины XIX в. Это относится к ее роли в системе производства, хранения и распределения знания в системе образования, СМИ, промышленности и принятия политико-экономических решений. Можно с уверенностью утверждать, что данный факт зафиксирован философами, выдвинувшими проект новой дисциплины – философии науки (У. Хьюэлл, Е. Дюринг), призванной обосновать новый социальный статус научного исследования. Наука – один из самых молодых социальных институтов и вместе с тем один из наиболее демо-

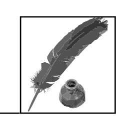
кратических и успешных. При этом науку нельзя сводить к совокупности НИИ или научных работников.

Социальные функции науки таковы, что сегодня она проникает в самые тайные уголки коллективного и индивидуального существования, претендует на участие во всей жизни современного человека – от мелкого быта до высокого бытия. На мой взгляд, изменения в социальном статусе и функциях науки связаны со следующими факторами. Во-первых, это конкуренция социальных институтов (в разделе финансовых потоков, влиянии на экономику, политику и сознание). Во-вторых, велика роль дифференциации науки – выделения областей «корыстного» и «бескорыстного» любопытства. В-третьих, имеет место противоположный тренд интеграции науки, техники, промышленности и политики в Большой науке. Наконец, в-четвертых, здесь актуальные дилеммы выносятся на коллективное обсуждение и уравнивают ученых с простыми налогоплательщиками, тем самым вводя науку в публичное пространство. Это противостояние милитаризации и безопасности, роста потребления и экологического кризиса, достоинств и недостатков бионаук, химиокультуры, компьютеризации и проч.

Итак, наука становится максимально публичной, конкурируя в этом с попкультурой, но при этом ученые настаивают на своем выделенном эпистемическом статусе и особой экспертной функции. Роль науки в развитии современных технологий чрезвычайно велика, но престиж научной деятельности неуклонно снижается. Наука потребляет бюджетные деньги, но ученые не соглашаются работать в «сфере социальных услуг» и отказывают в компетенции чиновникам, назначенным их контролировать. Бóльшая часть науки сегодня невозможна без технического оборудования и коллективной деятельности, но нобелевские премии получают отдельные индивиды. Современное бытие науки характеризуется фундаментальной амбивалентностью; и это есть не столько методологическая, сколько *глобальная социальная проблема*.

Политэкономия в СТС

В рамках СТС постоянно исследуется политико-экономическая составляющая науки и техники и одновременно роль науки и техники в современной экономике и политике. Отсюда вырастает особое направление исследований, получившее название «экономика знания» (knowledge economy), или «политическая экономия науки» [Sismondo, 2010]. Термин «экономика знания»

[Callon, 2002] обычно относится к экономике, основанной на высокоразвитом техническом знании. Он же применяется для характеристики такого типа экономики, в котором знание является одним из основных продуктов и товаров. Из первого вида экономики знания вытекает второй, но обратное отношение не является необходимым. В новой экономике знания XX и XXI вв. социальные субъекты рассматривают технические знания как ресурс и пытаются владеть или управлять ими с помощью механизмов интеллектуальной собственности. В бизнес-школах преподают дисциплину «Управление знаниями», обучая тому, как создавать потоки знаний (аналогичные денежным потокам) и как институты и организации могут использовать их наиболее эффективно.

В СТС знание рассматривается как своеобразная квазиреальность, и поэтому значение экономики знания второго рода не утрачивается, даже если реальная экономика является нерыночной, основанной на дарении или общественных фондах потребления. Серджио Сисмондо, главный редактор ведущего дисциплинарного журнала «Social Studies of Science», подчеркивает, что в рамках СТС эпистемические и политические процессы не отделяются друг от друга непроходимой стеной [Sismondo, 2010], благодаря чему может проводиться реальное изучение целостных научно-технических сообществ, в которых происходят производство, распределение и потребление знаний.

Наука или технонаука

Определению технонауки далеко до удовлетворительного. Сам термин был введен Г. Башляром (1953), популяризирован Ж. Оттуа [Hottois, 1997] и разработан рядом исследователей, не в последнюю очередь Д. Айди [Ihde, Selinger, 2003] и М. Каллоном [Callon, 1999]. Он предполагает включение в понятие науки когнитивных факторов (историческое развитие самого знания), социального контекста науки, а также «материальных» элементов (объектов исследования, природной среды, приборов, инструментов и т.п.). Подобное определение, распространенное и в ряде популярных источников, акцентирует в духе известного «онтологического поворота» материальную составляющую науки, которую исследователи всегда и так принимали по умолчанию. Конечно, пора перестать рассматривать науку как «царство чистой мысли», если это кто-то вообще делал. Но ведь и сама материальность отнюдь не дает однозначного решения каких-либо проблем. Не

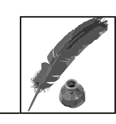
только «вещи дают сдачи» (Б. Латур), но и они обманывают и подлежат критике, деконструирующей в том числе и субстанциалистское понимание природы.

Широкое понимание техники как humanity in action [Pitt, 2000] вообще размывает различие между типами научности разных исторических эпох и позволяет применять термин «технонаука» чуть ли не к Архимеду. Однако фактом является то, что разные науки в различной степени связаны с техникой. Социотехнические науки, например, существуют пока в большей степени как проект, а не как реализация. В гуманитарных науках место техники занимает искусство выражения и аргументации. Не следует ли ограничить понимание технонауки достаточно большим фрагментом современного комплекса наука–техника–образование–экспертиза, который вместе с тем не исчерпывает современной науки? Этим можно несколько урезонить технократический тренд, который неоправданно навязывается науке в целом.

Академический капитализм

Социально-политический тренд в СТС приводит к острой критике капитализма в области науки и образования. Эд Хэкет, главный редактор одного из наиболее рейтинговых журналов в СТС, посвящает свою редакционную статью проблеме академического капитализма.

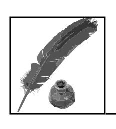
Он использует термин «academic capitalism» для харатеристики существования науки и техники в современных США. Так, в науке все шире распространяются отчуждение ученого от результатов его труда, неудовлетворение условиями и самим процессом исследования, и это стало главными темами дискуссий об изменении ценностей и культуры американской университетской жизни. Последние десятилетия растущей концентрации благ и доходов привели к резкой диспропорции. Инвестиции были накоплены очень узким кругом исследовательских организаций, которые безмерно расширили и усилили свое влияние на всем пространстве производства знания и инноваций. В пяти крупнейших университетах (Гарвард, Йель, Техас, Стэнфорд, Принстон) произошла внушительная концентрация капитала: их эндаументы (университетские фонды) достигли в сумме 110 млрд долларов, что равно объему эндаументов 15 следующих богатейших университетов [Hackett, 2014: 636].

Хэкет напоминает, что существенная функция демократической системы исследований и образования состоит в развитии знания, борьбе с бедностью, повышении благосостояния и утверждении человеческой свободы и возможностей для обеспечения долгосрочного будущего нашей планеты и ее обитателей. Однако новый американский университет, сформированный в условиях режима академического капитализма, совсем не место для открытого исследования, в котором демократические и гуманистические ценности направляют науку и технику на достижение общего блага. Вывод Хэкета неутешителен. Как только академические институты становятся во все большей степени зависимы от привлечения внешнего и аккумуляции внутреннего капитала, они утрачивают свободу, цель и способность быть независимой моральной силой в современном обществе. Деньги не могут быть целью науки и образования!

Популяризация науки

Сложность современной науки не в последнюю очередь определяется «техничностью» ее языка, ее теорий и экспериментальных установок. Как же довести эту сложность для обыденного сознания обычного человека? Все углубляющийся разрыв между наукой и обществом обесценивает науку в массовом сознании, а последнее попадает в плен лженаучных воззрений, религиозной веры и детских заблуждений. Сисмондо обращает внимание на то, что трудности популяризации науки в немалой степени обязаны непониманию социальной природы научной деятельности. Она обусловлена профессиональной культурой и интересами, а ее утверждения и продукты производны от насквозь социальных процессов. И это контрастирует с обыденным образом науки в популярных изданиях. Причина кроется в «доминантной модели» популяризации науки: «Наука производит настоящее знание, но оно слишком сложно для широкого понимания. Отсюда и роль медиаторов, переводящих настоящее научное знание в упрощенные версии для общего потребления. Однако с точки зрения науки всякое упрощение есть искажение. Поэтому популяризация является неизбежным злом и ею не следует заниматься работающим ученым, еще занятым продуктивным исследованием. Научная культура демотивирует ученого в его попытках медиации и указывает ему на то, как следует осуществлять популяризацию, если он занялся ею. Популяризация загрязняет сфе-

ру чистого исследования» [Sismondo, 2010:170] и представляет собой «фабрику невежества» (manufacture of ignorance).

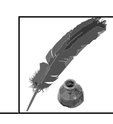
И все же популяризация науки оказывает обратное влияние на научное исследование. Популярные тексты влияют на науку, потому что едва ли не бóльшая часть их читателей – это люди, имеющие некоторое отношение к науке. Даже в рамках специальных областей знания статьи цитируются тем чаще, чем больше об этих достижениях пишут в газетах. На деле между реальной и популярной наукой существует не разрыв, а континуум, пусть ученые это и отрицают. Сисмондо приводит следующий характерный пример. В 1980–1990-х гг. ряд астрономов пропагандировал идею о том, что крупные астероиды представляют существенную угрозу для Земли. Развитие этой идеи в науке было воспринято в культуре и искусстве и привело к созданию соответствующих романов и фильмов. Это в свою очередь сформировало тот самый нарратив, в котором космическое ядерное оружие служит героическому спасению нашей планеты. А отсюда уже пришло обоснование для разработки ядерного оружия и милитаризации космоса для охраны Земли от астероидов.

Итак, поисковое исследование, прикладные разработки и популяризация науки представляют собой звенья одной системы в рамках общественного бытия науки.

Наука как общественное благо

С. Фуллер критикует философско-научную ортодоксию [Fuller, 2007], которая онтологизировала стандартную концепцию науки и посадила на трон научных экспертов – обладателей подлинного знания. Но их авторитет сталкивается в информационном обществе с феноменом распределенного знания (distributed knowledge): только сообщество в целом обладает максимальным знанием и потому способно принимать сбалансированные решения. Мнением налогоплательщика, электората, «человека с улицы» (А. Шюц) не только нельзя пренебречь: оно выходит на авансцену в обществе массового высшего образования, поисковых машин и социальных сетей. И этот же человек имеет право на знание, которое государство должно обеспечить.

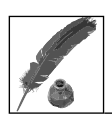
Защиту «когнитивной демократии» призван взять на себя «публичный интеллектуал», в котором сливаются воедино политика, философия и наука; его Фуллер противопоставляет «академику» как камерному университетскому профессору

[Fuller, 2009]. Время последнего с его системами и трактатами истекло: наступает эпоха, когда нужно живо откликаться на актуальную повестку и самому задавать ее, будируя общественное мнение интеллектуальными скандалами и памфлетами. Однако не стоит удивляться, когда значительная категория философов и ученых отвергнет такую стратегию. Уж больно она напоминает Дезиньори с его «фельетонным стилем» из романа Г. Гессе «Игра в бисер». Традиционный образ профессора вкупе с идеей независимого университета еще далеко не изжит в сознании ученых, потому что фиксирует нечто, существенно отличающее науку от других форм культуры.

В чем же особенность науки как формы сознания, типа деятельности и способа коммуникации? Чтобы политика защиты науки была оправдана, последняя должна иметь differentia specifica. Чтобы играть какую-то политическую роль, наука не может не иметь определенной автономии. Последняя востребована в тех случаях, когда нужны новые решения в нестандартных ситуациях. То, что атомный проект нереализуем без выдающихся физиков, понимал даже Сталин. Иначе бы Л. Ландау, арестованный в 1938 г. за реальную борьбу с режимом, не получил бы уже в 1946 г. Сталинской премии. Приходится признать, что специальные знания производятся именно благодаря систематической деятельности ученого, а не фрагментарному интересу дилетанта; в лаборатории, а не на площади; в науке, а не в фейсбуке. Специальные знания выполняют важную социальную функцию: они фрагментируют общество, разделяют его на более знающих и менее знающих, создают когнитивные диссонансы, побуждают к проблематизации статус-кво, содержат проекты развития. Тоталитарный режим уничтожает ученых, добиваясь когнитивной гомогенности, чем создает условия социальной однородности, делающей протест невозможным.

Вплоть до XIX в. европейское общество колебалось между безразличием, недоверием и враждебностью к науке, с одной стороны, и растущим интересом к ней – с другой. Затем почти два века подряд идея науки захватила широкие массы, слилась с идеей техники и университетское образование стало в итоге обычным явлением. В настоящий момент возникает впечатление, что общество пресытилось научным знанием и убедило себя в том, что для благополучной жизни достаточно и его технических приложений. Должно ли тогда правительство посвящать часть своих ресурсов финансированию фундаментальных исследований? С точки зрения экономики, полагает М. Каллон, наука как таковая является не бизнесом,

а общественным благом и по этой причине она должна быть защищена от рыночных сил. Однако это требует полного пересмотра наших привычных способов мышления об общественном благе как о том, что основано на идеале, финансируется по остаточному принципу и делится на всех поровну. «Наука является общественным благом, но отнюдь не по причине своих внутренних качеств, а лишь потому, что она есть источник социального разнообразия и изменчивости» [Callon, 1994: 418], – заключает Каллон. Общественное благо – это особая социальная функция.

Итоги

В политической проблематике философии науки можно выделить три основные линии: утверждение автономности и политической нейтральности науки как общественного блага в соответствии с гумбольдтовской идеей университета; наука как политический актор в системе свободной конкуренции: эксперты и публичные интеллектуалы как «пятая власть»; наука на службе государства и бизнеса для создания естественных и социальных технологий. Как представляется, это деление соответствует трем основным социальным функциям науки: генерированию природной и социальной картин мира; экспертизе техносоциальных проектов; эпистемическому обеспечению технологического развития. Баланс этих функций – почти недостижимое искусство научной политики. Пренебрежение одной из них в пользу другой превращает науку в *глобальную и неразрешимую социальную проблему* со всей совокупностью непредсказуемых и драматических последствий.

Библиографический список

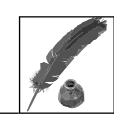
Bloor, 1976 – *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. Chicago : University of Chicago Press, 1976.

Bourdieu, 1975 – *Bourdieu P.* La spécificité du champ scientifique et les conditions sociales du progrès de la raison // Sociologie et societies. 1975. Vol. 7, № 1, May. P. 91–118.

Bourdieu, 1984 – *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste PDF. Harvard University Press, 1984. P. 5, 41.

Callon, 1994 – *Callon M.* Is Science a Public Good: Fifth Mullins Lecture. Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // Science, Technology, and Human Values. 1994. Vol. 19, № 4.

Callon, 1999 – *Callon M.* The Role of lay People in the Production and Dissemination of Scientific Knowledge // Science, Technology, and Society. 1999. Vol. 4, № 1. P. 81–94.

Bourdieu, 1975 – *Bourdieu P.* La spécificité du champ scientifique et les conditions sociales du progrès de la raison // Sociologie et societies. 1975. Vol. 7, № 1, May. P. 91–118.

Bourdieu, 1984 – *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste PDF. Harvard University Press, 1984. P. 5, 41.

Callon, 1994 – *Callon M*. Is Science a Public Good: Fifth Mullins Lecture. Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // Science, Technology, and Human Values. 1994. Vol. 19, № 4.

Callon, 1999 – *Callon M*. The Role of lay People in the Production and Dissemination of Scientific Knowledge // Science, Technology, and Society. 1999. Vol. 4, № 1. P. 81–94.

Callon, 2002 – *Callon M*. From Science as an Economic Activity to Socioeconomics of Scientific Research. The Dynamics of Emergent and Consolidated Techno-economic Networks // P. Mirowski, E. Sent, (eds.). Science Bought and Sold. Essays on the Economics of Science. Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 2002. P. 277–317.

Fuller, 2007 – *Fuller S.* New Frontiers in Science and Technology Studies. N.Y. : Polity Press, 2007.

Fuller, 2009 – *Fuller S.* The Sociology of Intellectual Life. L. : Sage, 2009.

Hackett, 2014 – *Hackett E*. Academic Capitalism // Science, Technology and Human Values. 2014. Vol. 39, № 5.

Hottois, 1997 – *Hottois G*. La philosophie des technosciences. Abidjan : Presses des Universités de Côte d'Ivoire, 1997.

Ihde, Selinger, 2003 – *Ihde D*., *Selinger E*. Chasing Technoscience: Matrix for Materiality. Bloomington : Indiana University Press, 2003.

Lakatos, Musgrave, 1970 – Criticism and the Growth of Knowledge ; I. Lakatos, A. Musgrave (eds). Cambridge : Cambridge University Press, 1970.

Latour, 1983 – *Latour B*. Give Me a Laboratory and I Will Raise the World // Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science ; K.D. Knorr-Cetina and M. Mulkay (eds). L. : Sage, 1983.

Pitt, 2000 – *Pitt J*. Thinking about Technology. N.Y. : Seven Bridges Press, 2000.

Rouse, 1987 – *Rouse J.* Knowledge and Power: Towards a Political Philosophy of Science. Ithaca : Cornell University Press, 1987.

Shapin, 1991 – *Shapin S.* The Mind is Its Own Place: Science and Solitude in Seventeenth-Century England // Science in Context. 1991. № 4. P. 191–218.

Sismondo, 2010 – *Sismondo S.* An Introduction to Science and Technology Studies. Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. P. 189–204.